

ВОЗМОЖНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ЛУНАРНЫХ МИФАХ ШУМЕРОВ, ТЮРКОВ, МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ И ВОСТОЧНЫХ ФИННО-УГРОВ В СВЕТЕ ГИПОТЕЗЫ С. ПАРПОЛЫ О ШУМЕРСКОЙ ПРАРОДИНЕ¹

Александр Сергеевич Иликаев

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

E-mail: jumo@bk.ru

Ренарт Глюсович Шарипов

Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, Уфа, Россия

E-mail: externet@yandex.ru

Аннотация. Вопрос о происхождении шумерской цивилизации, оказавшей колоссальное культурное влияние на развитие Древнего Востока, является и на сегодняшний день нерешенным. Возможно, некоторые следы происхождения шумерского этноса следует искать в их мифологии, согласно которой выделяются по крайней мере две версии возникновения шумер: 1) из горной страны, находящейся предположительно на севере; 2) с острова Дильмун в Персидском заливе. Актуальность работы заключается в том, что до сих пор лунарные мифы шумеров, тюрков, монгольских народов и восточных финно-угров специально не анализировались. В данной статье авторами на основании сравнительного анализа мифологических образов и сюжетов, а конкретно – лунарных мифов, являющихся по сути универсальными для практически всех народов мира, сделана попытка сформулировать аргументы в пользу подтверждения гипотезы финского ассириолога С. Парполы о прародине шумеров в районе Северной Евразии. На основании проведенного обзорного анализа авторы, опираясь на исследования С. Парполы, Е.М. Мелетинского, А.С. Аманжолова, У. Харвы, А.М. Щербака, М. Креберника, В. Ламберта, Д. Петерсона и других ученых, пришли к следующим выводам. Во-первых, у шумеров, тюрков, монгольских народов и восточных финно-угров божество Луна оказывается прежде всего мужским божеством, тесно связанным с подземным миром и образом бога смерти. Во-вторых, другим специфическим шумерским и урало-алтайским элементом выступает мифологема о происхождении месяца из воды. В-третьих, в мифологии шумеров, тюрков, монгольских народов и восточных финно-угров божество Луна, вероятно, связано с тотемами-птицами (прежде всего водоплавающими), быком, вероятно, имеющим большее отношение к водной стихии. В-четвертых, для шумеров и урало-алтайских народов также характерен мотив Пастуха-Луны и божества дикой природы, не исключено, что этот мотив имеет универсальное происхождение сюжета. При этом характерной особенностью шумерских, тюркских, монгольских и финно-угорских мифов выступает связь Луны с водными драконами. В целом, шумерские вариации лунарных мифов, по всей видимости, свидетельствуют об их проникновении в культурную среду Древней Месопотамии именно из Северной Евразии, а не наоборот. Таким образом, предположение С. Парполы о прародине шумеров получает определенную поддержку. В качестве второстепенного вывода, полученного в результате работы над статьей, можно говорить о возможном общем источнике мифологемы о связи волка и Луны у тюрков, восточных финно-угров и некоторых индоевропейских этносов (осетинов, скандинавов).

Ключевые слова: лунарные мифы, шумеры, древние тюрки, тюрки, монгольские народы, восточные финно-угры, Северная Евразия, калмыки, скандинавы

Цитирование: Иликаев А.С., Шарипов Р.Г., 2025. Возможные параллели в лунарных мифах шумеров, тюрков, монгольских народов и восточных финно-угров в свете гипотезы С. Парполы о шумерской прародине, *Известия УФИЦ РАН. Серия: История. Филология. Культура*, т. 2, № 3, с. 349–362. DOI: <https://doi.org/10.31833/sifk/2025.2.3.41>

¹ Данное исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № ГЗ 075-00571-25-00 от 27.12.2024 г. на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов.

UDC 398.22(=341.1)

Submitted: 24.02.2025

Accepted: 15.09.2025

**POSSIBLE PARALLELS IN THE LUNAR MYTHS OF THE SUMERIANS, TURKS,
MONGOLIAN PEOPLES AND EASTERN FINNO-UGRIANS IN LIGHT OF S. PARPOLA'S
HYPOTHESIS ABOUT THE SUMERIAN ANCESTRAL HOMELAND**

Alexander S. Ilikaev

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia
E-mail: jumo@bk.ru

Renart G. Sharipov

Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature UFRC RAS, Ufa, Russia
E-mail: externet@yandex.ru

Abstract. In this article we will analyze the origin of the Sumerian civilization which had a huge impact on the culture of the Ancient East and retained its importance in subsequent eras. Despite numerous studies, the question of the origin of the Sumerians still remains open. Perhaps the answer lies in their mythology, where you can find at least two versions of their origin: from a mountainous country in the north or from the island of Dilmun in the Persian Gulf. The relevance of the work lies in the fact that so far, no detailed analysis of the lunar myths of the Sumerians, Turks, Mongol peoples and eastern Finno-Ugrians has been carried out. In this article, we will examine their features and try to find possible connections between them. *Research objective and approaches.* In this article the authors, based on the results of a comparative analysis of mythological images and plots, in particular, lunar myths, which, in fact, are universal for most peoples of the world, seek to confirm the hypothesis of the Finnish assyriologist S. Parpola who considered ancestral homeland of the Sumerians to be the territory of Northern Eurasia. *Results and conclusions.* Based on the analysis the authors, relying on the research of S. Parpola, E.M. Meletinsky, A.S. Amanzholov, U. Kharva, A.M. Shcherbak, M. Krebernik, V. Lambert, D. Peterson and other scientists, came to the following conclusions. Firstly, among the Sumerians, Turks, Mongol peoples and Eastern Finno-Ugrians, the Moon deity is perceived as a male being closely associated with the underworld. Secondly, in the mythology of the Sumerians and the Ural-Altai peoples, there is a motif of the origin of the month from water. Thirdly, in the mythology of the Sumerians, Turks, Mongol peoples and eastern Finno-Ugrians, the Moon deity is associated with bird totems, especially waterfowl, as well as with the image of a bull, which is probably related to the water element. Forth, the motif of the Shepherd Moon and the deity of wild nature is characteristic of the Sumerians and the Ural-Altai peoples. Perhaps this motif has a universal origin. Sumerian, Turkic, Mongolian, and Finno-Ugric myths trace the moon's connection with water dragons. It is likely that Sumerian versions of lunar myths came to the culture of Ancient Mesopotamia from Northern Eurasia, and not vice versa. This confirms S. Parpola's hypothesis about the origin of Sumerian culture. As an additional conclusion, it can be noted that the Turks, the eastern Finno-Ugrians and some Indo-European peoples (Ossetians and Scandinavians) have a common mythologeme about the connection between the wolf and the moon.

Keywords: Lunar myths, Sumerians, ancient Turks, Turks, Mongolian peoples, Eastern Finno-Ugrians, Northern Eurasia, Kalmyks, Scandinavians

Citation: Ilikaev, A.S., Sharipov, R.G., 2025, "Possible parallels in the lunar myths of the Sumerians, Turks, Mongolian peoples and Eastern Finno-Ugrians in light of S. Parpola's hypothesis about the Sumerian ancestral homeland", *Proceedings of the UFRC RAS. Series: History. Philology. Culture*, vol. 2, no. 3, pp. 349–362. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31833/sifk/2025.2.3.41>

Введение

По мнению исследователей, лунарные мифы, то есть предания, в которых одним из действующих персонажей является Луна, восходят к палеолиту. Они являются частью солярной, а в более широком смысле – астральной мифологии [МНМ, 2003а: 78]. Традиционно с Луной связывается ночная, темная сфера мироздания, а также злые духи. На сибирских шаманских бубнах месяц обычно размещается на более темном фоне слева от мирового древа. В примитивной австралийской мифологии Луна может

олицетворять зооморфный тотем одной из фратрий. При этом исследователями отмечается, что роль Луны уступает роли Солнца лишь в более поздних мифологических системах вроде древнеегипетской. У индейцев кечуа в древнем Перу божество месяца (или сын солнца и месяца) оказывается могущественным персонажем [МНМ, 2003а: 79]. Совершенно оригинальными представляются шумерские мифы, согласно которым Луна рождается из того же начала, что и воздух [МНМ, 2003а: 80]. Таким образом, можно сразу зафиксировать важное обстоятельство: лунарная (шире – астральная) мифология относится к числу древнейших и связана с родовым первобытным строем. Охотники и собиратели куда меньше зависели от солнца, чем земледельцы. Ночное небо им представлялось «истинным небом», когда на вершины хребтов из «синей тайги дневного неба» выходили различные животные. Они ассоциировались с разнообразными созвездиями [Анисимов, 1959: 11–12].

Как справедливо отмечает С. Ллойд, значение шумерской культуры для мировой цивилизации сложно переоценить. Между историками практически достигнут компромисс в вопросе о том, что время правления первых царей Шумера совпадает с воцарением первой египетской династии Древнего царства [Ллойд, 1972: 4]. Осознание важности исследования шумерской мифологии пришло к исследователям в XIX в., когда Д. Смитом были обнаружены таблички с текстами о всемирном потопе [Ллойд, 1972: 22]. Соответственно, миф, который до того считался древнегреческим и библейским, уже существовал на заре истории у шумеров.

В статье, посвященной сравнению мифологий Древнего мира, Е.М. Мелетинский отмечал особую архаичность шумерской мифологии даже по сравнению с египетской, не говоря уже об аккадской. Например, шумерская мифология не знала фигуры универсального бога-творца. Шумерские боги бесконечно совещались между собой, а не приказывали. Они не противопоставлялись людям, а как бы плавно перетекали в них через фигуры полубогов, легендарных царей, культурных героев [Мелетинский, 2023]. При этом учеными постулировалось отсутствие какого-либо чисто семитского культа в Междуречье. Все аккадские боги имели тот или иной шумерский прототип [МНМ, 2003б: 651].

Е.М. Мелетинский рационально объяснял архаизм шумерской мифологии тем, что в Шумере не сложилось централизованного государства. Страна осталась конфедерацией отдельных общин, городов-государств (как, например, Древняя Греция). Кроме того, исходя из логики Е.М. Мелетинского, архаичность шумерской мифологии можно было бы объяснить общими корнями с той же примитивной австралийской мифологией. Действительно, у шумеров, как указывает финский ассириолог С. Парпола, сохранились представления о том, что их прародина находится где-то на юге, на острове Дильмун в Персидском заливе [Parpola, 2007]. По нашему мнению, это могли быть потомки наиболее ранних палеолитических племен кроманьонцев, которые продвигались вдоль побережья Индийского океана еще с 40–30 тыс. до н. э., постепенно заселяя пространства Евразии, Океании и Австралии. Наряду с этой версией у шумеров существовала также версия о том, что их предки (протошумеры) когда-то обитали в горной стране. В последнем случае это, по мнению С. Парполы, могли быть Загрос, Кавказ или Армянское нагорье [Parpola, 2007].

В дополнение к сказанному тюркологом А.С. Аманжоловым отмечены многочисленные шумеро-тюркские языковые соответствия: шум. *ud* «день» и др.-тюрк. *öd* «время», шум. *gud* «бык» и др.-тюрк. *ud* «корова», шум. *gig* «болезнь» и др.-тюрк. *ig* «болезнь», шум. *barag* «святилище» и др.-тюрк. *bark* «здание, сооружение», шум. *sag* «голова» и др.-тюрк. *cağun* «титул старшего по возрасту у карлуков» и т.д. [Аманжолов, 2003: 39; ШРС, 2023; ДС, 1969: 377, 606, 203, 84, 481]. По мнению финского ассириолога С. Парполы, ближайшее сходство шумерского языка обнаруживается с волжско-финскими и конкретно с финскими языками. Имеются и древние сходства шумерской лексики с индоевропейской, особенно в плане земледелия и скотоводства. Заслуживает внимания такое общепотребительное слово, как «море, океан» (шумерское *ab* или *a-ab-ba*, фин. *aava*, *aappa*) [Parpola, 2007]. В мари́йском языке имеется слово *ama* «вода» (при обычном мар. *vüd* «вода», ср. Вүд-Ава «Мать воды»), по звучанию напоминающее шумерские и финские слова [Вершинин, 2017: 35]. Таким образом, гипотезы шумеро-тюркских, шумеро-уральских языковых параллелей, несомненно, придают силу версии северной или северо-восточной прародины шумеров. Однако возникает вопрос: откуда шумеры могли проникнуть на тот же Кавказ?

Если резюмировать рассуждения С. Парполы в историческом контексте, то они сводятся к следующему. Народ, получивший в историографии известность как шумеры, скорее всего, пришел в Месопотамию с севера, где формировалась уральская языковая семья [Parpola, 2007], где, по нашему мнению, по соседству, в лесостепной и степной зоне формировались праиндоевропейские и праалтайские языковые общности. Об этом, как считает финский ассириолог, могут свидетельствовать некоторые совпадения в их лексике и грамматике. Эти данные, по мнению С. Парполы, в сумме позволяют предположить, что предки шумеров вышли из Понтийско-Каспийского региона между устьем Волги и Черным морем к северу от Кавказских гор, где они вели оседлый образ жизни в

контакте с праиндоевропейскими племенами [Parpola, 2007]. Возможно, и в этот период сохранялось взаимодействие предков шумеров с протоалтайцами.

Представляется очень интересным вопрос: когда, собственно говоря, условные протошумеры могли отделиться от других народов Северной Евразии, прежде всего от урало-алтайцев? При этом последнее стоит понимать, скорее, не как генетическую, а ареальную общность, поскольку теория древнего родства тюркских и монгольских языков подвергается критике по крайней мере с 1960-х г. [Щербак, 1966: 21–35]. Концепция же урало-алтайского языкового родства была отвергнута еще раньше и в настоящее время считается устаревшей [Stachowski, 2015: 79–86]. Вопрос осложняется тем обстоятельством, что до сих пор ничего не известно об истинной прародине шумеров. Исходя из того, что в языке шумеров все-таки больше черт, сближающих его с неиндоевропейскими языками, последний мог возникнуть только в районе VIII–VI тыс. до н. э., т. е. до выделения собственно прауральского языка. По крайней мере, в середине VI тыс. до н. э. предки шумеров уже обосновываются в Междуречье. При этом не исключается возможность отождествления их прародины с майкопской культурой Северного Кавказа, которая существовала между 3700 и 2900 гг. до н. э. (IV–III тыс. до н. э.) и имела торговые контакты с поздней урукской культурой. Предположительная локализация шумерской родины в этой области помогла бы объяснить несвойственные уральским, алтайским языкам особенности строя шумерского, ибо картвельские языки, на которых говорят к югу от местонахождения майкопской культуры, эргативны и имеют систему глагольных префиксов, напоминающую шумерскую. Около 3500 г. до н. э. культура, определяемая как индоевропейская ямная культура, возникшая между Дунаем и Доном, начала динамично расширяться на восток, достигнув Предкавказья примерно к 3300 г. до н. э. Эта экспансия, вероятно, спровоцировала шумерскую миграцию в Месопотамию [Parpola, 2007].

Поскольку в настоящее время без письменных источников, прибегая к одному лингвистическому и археологическому материалу, данную проблему решить невозможно, то нахождение значимых шумеро-тюркских, шумеро-монгольских и шумеро-финно-угорских мифологических параллелей могло бы подтвердить или опровергнуть предположение С. Парполы. При этом представляется логичным начать анализ с образа именно божества Луны, поскольку, как выше уже было указано, лунарные мифы наиболее архаичны и, стало быть, их истоки можно попытаться проследить еще в VIII–VI тыс. до н. э., т. е. задолго до возникновения земледелия, присваивающего хозяйства, выделения праиндоевропейцев из ностратической общности и тем более прихода семитов в Междуречье.

Еще одна задача будет заключаться в том, что, подтверждая идею об азиатском происхождении шумеров с территории между Уральскими и Алтайскими горами, дополнительные аргументы приобретает тезис древнего влияния мифологий народов Северной Евразии на мифологии Передней Азии, то есть гипотеза о том, что воздействие шло не только в направлении юг – север, но и север – юг.

Божество Луны как главный мужской и хтонический образ

По мнению В.В. Иванова, гипотетически можно предположить, что представление о мужском божестве Луны в зооморфной форме является наиболее архаичным [МНМ, 2003а: 80]. Так, в скандинавской (Мани – Месяц, брат Соль – Солнца) и балто-славянской мифологиях ночное светило – это преимущественно мужской персонаж [МНМ, 2003а: 105]. Согласно русскому фольклору, Месяц приходится младшим братом Солнцу [Левкиевская, 2003: 88]. Впоследствии мужской образ месяца у некоторых народов вытесняется женским образом Луны (например, Селена в древнегреческой мифологии). С этого времени, т. е. с угасания матриархата и укрепления и развития патриархальных отношений в древних обществах, сакральная роль Луны, которая становится как бы женским партнером/супругом мужского божества – Солнца, в религиозных культурах постепенно снижается, но при этом сохраняет свое преобладающее влияние в сфере мантики (гаданиях, магии и т. п.) [МНМ, 2003а: 80].

В шумерской мифологии Богом Луны выступал Нанна, сын Энлиля и Нинлиль [Krebernik, Postgate 1993–1997: 364]. Энлиль (букв. «Владыка-ветер») являлся богом ветра, воздуха, земли и бурь, верховным владыкой шумерского пантеона. В свою очередь, Нинлиль (букв. «Владычица воздуха») была богиней судьбы, по одной из версий, дочерью «отца богов» Ану (бога неба) или Намму, богини, воплощавшей в себе первобытные подземные пресные воды Апсу. Женой Нанны была богиня Нингаль. В мифе об Энлиле и Нинлиле братьями Нанны являются Нергал, Ниназу и Энбилулу, хотя последние два бога обычно считались сыновьями разных родителей [Krebernik, Postgate, 1993–1997: 364].

Необходимо отметить, что в мифологиях тюркских, монгольских народов и финно-угров, в том числе восточных, столь подробно детализированная лунарная генеалогия отсутствует. Либо родственные связи божества Луны не называются, либо же очевидны (когда все прочие божества, в том числе божество Луны, оказываются детьми или братьями и сестрами главной пары небесных богов). В мифологии башкир Айхылу (дева-месяц) – сестра Хумай, дочь Самрау (небесного царя) и Кояш (солнца) [Шарипов, 2015: 80]. Луна – Ай выступает второй женой бога Самрау. Бурятские сказки часто упоминают о лунном хане [Харва, 2022б: 103]. В калмыцкой мифологии Луну творят

Эсрин-хан и Тенгир-хан [Чалбанова, 2022]. У обских угров Этпос-Ойка (Старик месяц) оказывается братом Хотал-Эквы, Калташ-Эквы и Нуми-Торума, внуком Корс-Торума и правнуком Косяр-Торума [Петрухин, 2003: 368]. Очевидно, что большая сложность шумерской лунарной генеалогии объясняется тем, что она была зафиксирована еще в глубокой древности во множестве письменных источников и отчасти могла стать жертвой жреческих и ученых спекулятивных построений.

Исследователи полагают, что в древней Месопотамии во все периоды истории Луна выступала порой в качестве главного божества [Krebernik, Postgate, 1993–1997: 367]. Так, в древнеавилонском тексте, написанном на шумерском языке, Нанна является главой божественного собрания (*Убишуккин*), а Ану, Энлиль, Инанна, Уту, Энки и Нинхурсаг выступают его советниками [Peterson, 2011: 279–280]. Таким образом, подобно Нанне/Сину, другие боги древнего Ближнего Востока были преимущественно мужчинами, в отличие от Селены, известной уже из более поздних, эллинских верований [Krebernik, Postgate, 1993–1997: 360].

Как отмечает У. Харва, большинство сибирских тюрков представляли Солнце женщиной (Мать-солнце), а Луну – мужчиной (Отец-Луна, Лунный старец). При этом, согласно китайским хроникам, монгольские и древнетюркские правители поклонялись Солнцу утром, а Луне вечером. Новолуние с большой радостью отмечалось и праздновалось у чувашей. В это время у *Уйах-Турь* (Бога Луны) выпрашивалась удача в делах и процветание [Харва, 2022а: 242]. Также и некоторые финно-угорские народы и представители русского этноса приветствовали наступление новолуния. Мордвины, например, как и русские, в новолуние говорили: «Здравствуй, новая Луна, дай мне здоровья, а я дам тебе целый каравай» [Харва, 2022а: 134].

Следует отметить, что у башкир и марийцев Луна часто выступала также женским персонажем. По этому поводу У. Харва замечал, что по какой причине восточные черемисы (восточные марийцы) жертвуют *Тылзе-Аве* (Матери-Луне) животных, не совсем понятно [Харва, 2022а: 134]. Возможно, что это не позднейшая новация, учитывая вообще матриархальные истоки любой мифологии, а достаточно древняя традиция, восходящая к неким примитивным тотемистическим мифам.

У урало-алтайских народов божество Луны стояло в начале мифопоэтической картины мира. Отмечается, что тюрки вели отчет времени по циклам Солнца и фазам Луны [Харва, 2022а: 243]. Как указывает исследовательница Т.В. Муравьева, башкиры верили в то, что самые ответственные дела следует начинать в период растущей луны, поскольку только в этом случае людям сопутствует удача. Заметив молодой месяц, следовало сказать: «Увидел луну, находясь в добром здравии. Моя душа и мои уста полны молитвами, мой дом полон детьми, мой хлев полон скотиной». На убывающую Луну изгонялись всяческие недуги, несчастья, которым говорили: «И Солнце ушло, и Луна ушла, и ты тоже уходи!» [Муравьева, 2023: 227].

У башкир получили широкое распространение имена, происходящие от корня «*ай*» (Луна): Айбулат, Айнур, Айхылу, Айбика и др. В старину существовало башкирское поверье, что Луна покровительствует людям с подобными именами. Если же обладатель подобного имени умирал, про него говорили: «Имя оказалось для него слишком тяжелым, он не смог его поднять» [Муравьева 2023: 228]. Считалось, что Айхылу, как и Хумай, может принимать облик птицы, например утки, а иногда и фантастической птицы. В эпосе «Урал-батыр» Айхылы похищают дивы, после чего она становится женою Шульгена, злобного брата Урала-батыра, но он одолевает Шульгена, и Айхылу возвращается к матери Луне.

Важнейшим аспектом шумерского Нанны является его очевидный хтонический характер. Недаром, как это было отмечено выше, братом бога Луны выступает повелитель подземного мира, владыка смерти Нергал [Krebernik, Postgate, 1993–1997: 364]. Божество Луны имеет ярко выраженный хтонический характер в урало-алтайской мифологии. У бурят Солнце и Луна оказываются во власти Хозяина Земли, запертными в сундук. В результате вся земля погружается во тьму. Мудрый Еж, придя к Хозяину Земли, просит у того «коня из весеннего отражения и стрелу из эха». Хозяину Земли приходится выпустить светила [Харва, 2022б: 102]. В мифе обских угров некая старуха поддевает крючком солнце и месяц и прячет их в свой сундук [Петрухин, 2003: 340]. Согласно верованиям саяно-алтайских тюрков, Солнце и Луна пребывают в подземном мире. Властелином последнего при этом является Эрлик, бог смерти и преисподней [МНМ, 2003б: 538-539]. Согласно приводимому А.В. Анохиным мифу, когда-то Эрлик был обманут высшим божеством, получив вместо плети «*ай малта*» (луновидный топор) [Анохин, 1924: 19]. В калмыцкой мифологии *Окон-Тенгри* (Дева-небо), отождествляемая с Лхамо, тибетской богиней-уничтожительницей демонов, имеет одновременно хтонические и лунарные черты.

Связь Луны со стихией света, воды и холода. Луна и дракон (чудовище)

Этимология имени Нанна (шум. *Na-an-na*) в точности не известна. Возможно, имя бога значит «свет, светить» [Krebernik, Postgate, 1993–1997: 360]. Сходную этимологию, вероятно, имеет древнетюркское *ai* (в архаичном значении «свет»), хотя в целом происхождение этого слова дискуссионное [Эхмэтьянов, 2015: 80]. Слово *тылзе* (*тилче*, *тыльзы*) в марийском языке считается заимствованием из пермских языков (ср. удм. *толэзь*) и, возможно, имеет отношение к слову *тул* (огонь) – ср. с удм. *тыл* [Вершинин, 2018: 559].

Свет выступает непререваемым атрибутом шумерского бога Луны. При этом он не всегда был присущ ночному светилу. Согласно преданию, записанному во времена правления Гунгунума, свет Нанны был дарован ему так называемыми «божествами Энки-Нинки» [Peterson, 2020: 130–131]. Своеобразным источником данного представления можно считать имеющиеся у некоторых народов Северной Евразии мифы о другой, более древней Луне, предшествующей нынешней. Так, по башкирскому мифу Луна образовалась из половинки Солнца, сбитого стрелой Урала. Народ при этом воскликнул: «Ай!» [БНТ, 1987а: 31]. В одном варианте марийского мифа в обработке В. Юксерна хитрый старик Канай, утопивший Смерть в озере глухой ночью, превозносит Луну, прося не выдавать его, и льстит, называя ночное светило мудрее и милее Солнца и мягче лебяжьего пуха. Когда правда вскрывается, Солнце приказывает Ветру схватить Луну. Луна пугается, бледнеет и убегает на другую сторону неба [Юксерн, 1974: 18–19]. В данном случае, в отличие от шумерских представлений, память о былой яркости и силе Луны сохраняется, но подается уже как нечто оставшееся в далеком прошлом.

Шумерская богиня Нингаль выступает супругой Нанны. У части тюрков и восточных финно-угров, как правило, божество Луны (*Ай*, *Уйах-Тура*, *Тылзе-Юмо*) представляется подчиненным главному богу (*Уйах-Тура* – *Султи-Туре* у чувашей, *Тылзе-Юмо* – *Куго-Юмо* у мари), а также при этом имеющим женский аналог или пару [МНМ, 2003б: 538] (ср. скандинавские Мани и Соль, славянские Месяц и Солнце). Башкирская Айхылыу, как и ее сестра Хумай, предстающая в птичьем облике, становится, как уже отмечалось, сначала женой Шульгена, а потом Урал-батыра. Любопытно, что шумерская Нингаль соотносится с серым гусем и лебедем крикуном [Krebernik, Postgate 1993–1997: 353]. Нингала, сходного с Нингаль бога, также называли *зирру*, понятием, которое могло обозначать самку птицы [Asher-Greve, Westenhof 2013: 182]. В свою очередь, матерью Нингала была богиня Нингикуга (шумерское: «госпожа чистого тростника») [Krebernik, Postgate 1998–2001: 361]. В башкирском эпосе «Акбузат» Нэркэс – дочь подводного царя Шульгена в облике золотой утки, плавающая в озере с камышовыми берегами. При этом девушкой она становится только безоблачной лунной ночью [БНТ, 1987б: 136–146, 143].

Высокий статус шумерского бога Луны – Нанны и его связь со стихией воды, думается, неслучайны. Солнце и Луна часто выступали главными персонажами самых ранних космогонических мифов. Так, согласно представлениям народов алтайской языковой семьи в глубокой древности не было ни солнца, ни луны, а люди летали по воздуху, сыпля искрами и не нуждаясь в солнечном тепле [Харва, 2022б: 101]. Подобную картину можно встретить в скандинавском мифе «Эдда», где искры из Нифльхейма свободно носились по Гиннунгагап до мироустройства асов, пока не были превращены в звезды [Иликаев, Шарипов, 2022: 33]. Когда один человек занедужил, Бог отправил к нему духа. Божественный гонец стал ворошить дно океана тростью и напугал двух богинь, которые сразу же поднялись в небо. Затем гонец обнаружил два круглых металлических зеркала и расположил их там же. С тех пор Землю освещает свет. Согласно верованиям калмыков, в раю не существовало ни солнца, ни луны. Светила были созданы только тогда, когда люди, попробовав запретный плод, стали грешными, и первоначальный свет мира (без солнца и луны) померк [Харва, 2022б: 101]. Согласно записи Э.К. Лиджиева, в калмыцком космогоническом мифе Эсрин-хан и Тенгир-хан «нашарили» луну в первичном океане. В другом, записанном еще в конце XIX в. варианте калмыцкого мифа, Луна как бы вылетает из моря, когда боги начинают откачивать из него воду [Чалбанова, 2022].

Сибирские шаманы, в том числе хантыйские, наблюдая за солнцем и луной, могли узнать все необходимое о находящемся далеко от них человеке. По мнению У. Харвы, обычай привешивать к шаманским одеяниям подвески с изображением Солнца и Луны мог быть связан с этими представлениями [Харва, 2022а: 241].

В целом, для мифов народов Северной Евразии было характерно представление о том, что Солнце и Луна существовали еще в то время, когда весь мир был залит водой. В монгольской сказке Солнце и Луна выступают сестрами. Солнце предложило Луне ходить днем, но та устыдилась большого числа людей внизу, живших, по всей видимости, прямо на воде [Харва, 2022а: 241]. Как отмечал П.С. Паллас, калмыки почитали Луну меньше Солнца, считая, что ее составляют стекло и вода. По П.И. Небольсину, калмыки почитали Луну, наряду с Солнцем, за ее особое милосердие к людям [Муравьева, 2023: 250]. В удмуртском мифе бог Инмар отправил во время потопа двух людей, чтобы отыскать землю и разбросать ее по поверхности первобытного океана. Первый посланец отправился на

поиски днем и поэтому учинил землю гладкой, а второй, выйдя ночной порой, устроил горы и низины [Харва, 2022а: 241–242]. Культ *Тольсы* (Луны) занимал важное место в мифологии коми. Согласно одному из космогонических мифов Луна была создана Омолем, братом верховного небесного бога Ена, из яйца, снесенного праматерью-уткой. По иной версии, месяц появился намного позже Солнца, образовавшись из куска похищенного Омолем дневного светила. Существует и такой вариант коми мифа: когда Омолем была первой сотворена Луна, то ее тепла не хватало земле: хлеб вымерзал. Таким образом, в большинстве вариантов космогонических мифов коми месяц был создан темным демиургом (Омолем, Кулем). Только в одном случае Ен создал и солнце, и луну [ЭУМ, 1999: 356–357].

Как видно из шумерских лунарных мифов, Луна прежде всего связывалась с водной стихией. По мнению Н. Вассермана, различные мифологические композиции изображают Нанна как бога, который «любит рыбную ловлю на берегу реки» [Wasserman, 2008: 83]. Согласно представлениям алтайцев, когда герой Очирвани поместил огонь на свой меч и подкинул в небо, образовалось Солнце, а когда ударил мечом по воде, возникла Луна. Поскольку Месяц возник из воды, его сияние холодное [Харва, 2022а: 242].

Несмотря на отмеченные выше созвучия, ожидаемо присутствует и существенная разница в лунарных мифах шумеров, тюрков, монгольских народов и финно-угров. Мотив «холодной луны» для шумерской мифологии нехарактерен, в то время как для североевразийцев он является обычным. У саамов и германцев с луной были связаны самые холодные месяцы в году – январь и февраль. При этом «большой рог» (январь) говорил «маленькому рогу» (февралю): «Если бы я обладал такой же силой, что и ты, то заморозил бы теленка в утробе коровы» [Харва, 2022а; 136]. У саамов существовали обряды, позволяющие как бы улавливать лунный свет в кольца, чтобы затем Луна во время полярной ночи не забрала свое сияние обратно [Харва, 2022а; 136]. У восточных финно-угров, возможно, в прошлом имелись сходные обряды. Так, например, марийцы специально делали полукруглый вырез над дверью, чтобы солнце утром светило в него [Сепеев, 1975: 136].

Алтайцы сохранили миф о Лунном старце, который в глубокой древности жил на Земле и убивал людей. Желая спасти человеческий род, небесные боги собрались на совет. Солнце, взяв слово, заявило: «Я бы снизошло на землю, но от моего жара люди сгорят». Услышав это, Луна заметила: «Человек хорошо переносит мой холод». Она отправилась на землю, где застала душегуба, пожирающего ягоды черемухи. Луна сразу же схватила старца вместе с кустом и вознеслась с добычей на небо: с тех пор и убийцу, и черемуху можно там увидеть [Харва, 2022а: 243]. Вера в холодную луну и жаркое солнце отразилась в телеутской легенде. Хан просит будущего зятя достать ему с неба и поставить около его дверей Луну, а под окном – Мать-солнце. Когда зять нес Луну, то в очаге хана застыл котелок с кипящей водой, а когда явилась Мать-солнце, то этот котелок выкипел до дна [Харва, 2022а: 103]. У финно-угров мотив «холодной Луны» был не так распространен, если не считать многочисленных примет и пословиц. Можно, в частности, упомянуть коми-пермяцкий миф о том, как девушка, олицетворяющая Луну, была помещена на холодную звезду, а юноша, олицетворяющий Солнце, – на горячую. Девушка сильно мерзла по ночам, и тогда некий колдун поменял влюбленных местами. Таким образом, Месяц-мужчина стал светить ночью, а Солнце-женщина – днем [ЭУМ, 1999: 357–358].

Как нам представляется, подобные мифы могли отражать в том числе погодные реалии Северной Евразии, известные до сих пор в народе под названием «черемуховых холодов». Они связаны с заточками арктического воздуха весной и даже летом. Разумеется, ничего подобного южнее Кавказа уже быть не могло. К тому же в составе шумеров, несомненно, имелись выходцы с тропического юга, поэтому в шумерской мифологии данный мотив не наблюдается. Мотив «холодной луны», напротив, является, скорее, исключительно североевразийским.

Интересен шумерский мифологический сюжет о связи Нанны со змеями, драконами. В эпосе о Гильгамеше Бог Луна, выступающий под именем Наннара, назначается одним из главных богов Мардуком после поражения Тиамат [Lambert, 2013: 186]. Соотносимый с шумерским Нанной, аккадский Син играет значительную роль в мифе о драконе Лаббу. Именно к Сину обращаются за помощью напуганные появлением чудовища боги. Син в свою очередь прибегает к советам Нергала. Разразилась буря, и выпущенная кем-то из богов стрела поражает Лаббу [Lambert, 2013: 362]. Очевидно, что здесь прослеживается еще связь Луны со стихией ветра: последний может быть либо благоприятен, либо враждебен ночному светилу (как в марийском мифе о старике, попытавшемся обмануть смерть).

Сохранился миф алтайцев о том, что герой Очирвани, задумав даровать людям и животным бессмертие, велел Солнцу и Луне сварить в чаше живую воду, но Арахо (древний земной зверь) выхлебал ее и потом помочился на чашу. Узнав, где обитает злодей, Бог настиг его и разрубил пополам. Однако с тех пор передняя часть Арахо (ср. Раху у индийцев), обретя бессмертие, преследует Луну. Люди же считают лунные пятна телом этого чудовища. Затмения Луны при этом также могут объясняться проделками живущего в звезде людоеда [Харва, 2022а: 244]. Мифологический мотив людоедки/людоеда, связанный с космогоническим мифом о происхождении Луны (пятен на Луне) в

башкирском эпосе, отмечает В.Г. Котов. Данный лунарный миф он соотносит с лунарной мифологией западносибирских народов (кетов и селькупов) [Котов, 2012: 17].

Таким образом, из вышеприведенных примеров можно заключить, что связь Луны с водной стихией как с универсальным космогоническим началом наиболее характерна именно для шумерских и урало-алтайских мифов.

Человек (животное) на луне. Луна – судно

Еще один шумерский лунарный мотив, находящий особенно много параллелей у тюрков и финно-угров (также он чрезвычайно популярен в Европе, в Азии, Океании, Америке, но, кажется, не так распространен в Африке и Австралии), – человек на луне [Березкин, Дувакин, 2023]. Правда, в составе шумерских мифов он определяется косвенным образом. Так, сохранилось изображение на табличке времен Селевкидов, где имеется рисунок лунного диска, на котором Набу, сын Мардука, сокрушает льва. До нас дошел текст: «Тиамат видна на солнце, Мардук виден на луне» [Березкин, Дувакин, 2023]. Поскольку Мардук соотносится также с быком, Ю.Е. Березкин и Е.Н. Дувакин относят данный мотив к подвиду «животное на луне». Известно, что литовцы видели на ночном светиле быков. У башкир представлен оригинальный миф о том, как связанные спинами косули (фактически восьминое животное, подобное скандинавскому Слейпниру и шестиногому лосю Шарабхе обских угров) были брошены неким стариком на луну. Они там до сих пор убегают от погнавшего за ними волка [Березкин, Дувакин, 2023]. В последнем случае можно отметить переключку с эддическим сюжетом о погоне чудовищного волка за луной. Буряты наблюдали на Луне девушку с коромыслом и ведрами, а также ивовый куст, за который пыталась схватиться водоноска [Харва, 2022б: 104].

Более широко распространенный у тюрков, монгольских народов и финно-угров мотив о «девушке на луне» как будто бы не находит прямых шумерских параллелей. Однако он, возможно, включает в себя некоторые схожие элементы с шумерскими представлениями, поэтому есть смысл проанализировать прежде всего оригинальные варианты подобного рода преданий.

Сюжет мифа, как правило, в основе схож у всех народов Северной Евразии. Гонимая на земле девушка с коромыслом и двумя ведрами оказывается на луне. До сих пор ее можно разглядеть там. В других вариантах персонаж по своей собственной вине оказывается на ночном светиле (нарушение запрета показывать пальцем на луну, насмешки над луной, нежелание трудиться и т.п.). Так, в мифе восточных марийцев ленивая девушка Окалче становится причиной того, что Луна не только забирает ее к себе на небо вместе с ведрами, но и сильно отдаляется от земли, вследствие чего ночью становится темно (раньше было так же светло, как днем) [Эрвел, 2011: 143]. В третьем случае инициатором «восхождения» на небо оказывается сам месяц. У коми Луна забирает девушку-водоноску к себе, Ен в благодарность за это признает луну своим творением. При этом характерно, что в мифах подразумевается не просто переселение девушки на луну, но и зачастую брак с ней. Это, как указывают исследователи, лишний раз подчеркивает роль луны как мужского персонажа в представлениях народов Северной Евразии [ЭУМ, 1999: 357]. Например, Луна у коми связана с браком. По их верованиям, как только Луна начинала прибывать, девушки брали из-под ноги кусочек земли и клали его под подушку, воображая, что им приснится будущий жених. Кудым-Ош, культурный герой коми-пермяков, прежде чем сыграть свадьбу с Хостэ, дочерью царя Асыки, ждал, пока народится новый месяц. Считалось: если младенец родится во время ущербной луны, то он не проживет долго. Исследователи полагают, что эти представления имели очевидное отношение к срокам беременности, подчиняющимся лунным, а не солнечным месяцам. Отсюда и магические обряды на достаток (проводились при нарастании луны) и на избавление (проводились при убывании) [ЭУМ, 1999: 358]. Сюжет о водоносе, один из вариантов которого присутствует в «Младшей Эдде» скандинавов, имеет чрезвычайно широкое распространение в Азии и Европе [Харва, 2022а: 243]: Мани/Месяц не только правит лунной колесницей, но и управляет ходом звезд, и ему подчинены Новолуние и Полнолуние. Чтобы не было тоскливо по ночам, Мани забирает из Митгарда детей Биля и Хьюки, которые несли коромысло с ведром [Иликаев, Шарипов, 2022: 35].

Для шумерской мифологии был характерен интерес к брачной жизни Нанны. В одном из текстов бог Энлилль руководит свадьбой Нанны и Нингаль [Krebernik, Postgate 1993–1997: 366]. Обские угры появление месяца объясняли тем, что мужа-луну когда-то разорвали жены-соперницы [Петрухин, 2003: 340–341]. В башкирском мифе девушка любит сиянием Месяца, считает его славным, добрым, веселым. В источнике девушка видит высывающуюся из-под песка и омытую дождями великанскую кость. Потом она смотрит снова на Луну и обещает ночному светилу родить настоящего богатыря, если Месяц возьмет ее в жены [БНТ, 1987а: 35]. Мотив возможного появления сына-великана здесь можно трактовать как отражение высокого божественного статуса ночного светила и одновременно как еще одно подчеркивание его связи с водой, земным миром.

Еще один мотив шумерской лунарной мифологии – это, как уже указывалось выше, очевидная связь Нанны с быками, а его супруги Нингаль – с гусями, лебедями [Krebernik, Postgate 1993–1997:

353]. Возможно, это рудименты прежних тотемистических верований. Нет ничего удивительного, что они составили основу одних из наиболее архаических мифов. Так, народы алтайской языковой семьи усматривали на Луне зайца. В частности, якуты считали, что убывание диска Луны объясняется его поеданием волками и медведями. Каждый месяц ночное светило восстанавливается, но хищники вновь пожирают его [Харва, 2022а: 244]. Сохранился оригинальный марийский миф о том, как падчерица-водоноска по дороге к источнику встретила волка. Девушка сказала зверю: «Хоть бы Луна взяла меня к себе, хоть ты бери меня. Потому что меня некому даже пожалеть» [МФ, 1991: 85]. Мотив волка, преследующего Луну (равно как и Солнце), четко прослеживается в «Эдде». За Солнцем гонится волк Сколь (Обман), а за Луной – Хати (Ненавистник), желающий схватить и съесть месяц [Иликаев, Шарипов, 2022: 35]. Коми-зырянская сказка знает «быка Месяца» [ЭУМ, 1999: 358]. Также с лунной у восточных финно-угров могут быть связаны лиса, медведь. В частности, в марийской сказке лиса советует медведю взобраться на высокую ель, чтобы с ее макушки добыть огонь с луны [МНС, 2003: 302]. В мифологии мордвы также встречаются упоминания о серебряных и золотых рогах лунного божества (по данным Х. Паасонена) [Харва, 2022а: 134].

У мари имеется миф о борьбе небесных Гуся и Серпа в глубокой древности. В конце концов Серп побеждает Гуся, разрезая его на части [МФ, 1991: 60]. В.А. Аккорин объясняет данный сюжет отражением победы земледельческих племен над охотничьими [МФ, 1991: 267]. Однако серп, появившийся еще в эпоху неолита, первоначально использовался для срезывания диких злаков и не обязательно мог быть связан с земледелием. Гораздо более вероятным представляется то объяснение, что Серп здесь следует понимать метафористически как лунный серп, тем более что марийское слово *сорла* (серп) не обязательно является чувашизмом, а может быть и старым финно-угорским словом (ср. саам. *šærredit* «косить озерную траву со льда») [Вершинин, 2018: 489]. Таким образом, перед нами охотничий миф, объясняющий возникновение лунных фаз. К тому же в некоторых мифологиях полная Луна и лунный серп могут представляться разными персонажами [Березкин, Дувакин, 2023].

Исходя из сказанного, у шумеров можно предположить бывшее наличие мифов о переселении на небо людей, животных. В мифах народов Северной Евразии, прежде всего у тюрков, монгольских народов и восточных финно-угров, они чрезвычайно распространены. По всей видимости, все они имели общие тотемические истоки. У шумеров тем не менее древняя охотничья основа лунарных мифов сохранилась несколько хуже. Непосредственно с самой лунной связывался только бык. У северных евразийцев «набор» животных гораздо богаче. Прежде всего это дикие животные: медведь, волк, лось, косуля, лиса, заяц, иногда – хищная птица. Так, нападающее на луну чудовище Атыю у абхазов не дракон, а гигантская сова [Сефербеков, 2007: 79]. Тем не менее рудиментарную и наиболее архаическую связь Нанны с птицами (прежде всего водоплавающими), как на это было указано выше, можно проследить через фигуру его супруги Нингаль. При этом образ быка в шумерских лунарных представлениях, учитывая фигуру Нанны, любящего рыбную ловлю на берегу реки, а также обстоятельства назначения на свое место Наннара Мардуком, сыном Энки, бога вод, следует трактовать, скорее, как хтонический, связанный с водной стихией. Этой мысли не противоречит даже сюжет о небесном быке, посылаемом рассерженной богиней Иннин. В нем бык выпивает реку Евфрат [МНМ, 2003а: 203]. В то же время для индоевропейских мифологий, по мнению В.В. Иванова, больше характерна связь быка с богом грозы, т. е. «чистым» небом [МНМ, 2003а: 203]. В этой связи показательны урало-алтайские параллели. Так, ездовым животным тюркского Эрлика, бога смерти, вооруженного луновидным топором, был черный бык [МНМ, 2003б: 668]. Особую популярность представление о подземных быках, переносящих целые озера, получило в удмуртской мифологии [Владыкин, 2018: 127]. С черной коровой, вышедшей из реки, сравнивается богиня вод Вюд-Ава в марийской мифологии [ПЛМ, 2011: 79].

Шумерский Нанна сравнивался с баржей [Peterson, 2011: 281], то есть судном. С щепкой, плавающей по морю, сравнивали луну ненцы (ближайшие родственники финно-угров по уральской языковой семье). Египетский бог солнца Ра передвигался в дневной и ночной ладье [МНМ, 2003б: 359]. В то же время упоминание о повозке луны непосредственно у шумеров как будто отсутствует.

Учитывая то, что первые колесные повозки обнаруживаются сравнительно поздно, не ранее середины IV тыс. до н. э. В районе Северного Кавказа (майкопская культура) [Anthony, 2007: 416], отсутствие их в шумерских лунарных мифах не удивительно. Это объясняется также тем, что на юге почва была сухой и каменистой, а на севере, в Сибири, на Дальнем Востоке даже в историческое время активно использовали различные варианты волокуш, являвшихся предковыми формами самых различных видов транспорта, в том числе лодок. Недаром бурятское слово *онгон*, являющееся ключевым понятием шаманства, этимологически сопоставляется с тунгусо-манчжурским названием волокуш *онгсо* [Самар, 2020: 42–43]. У скандинавов, скорее, Мани передвигается пешком, хотя в популярных изображениях может изображаться также на колеснице, как и Соль. Видимо, образы марийского и калмыцкого лунных экипажей возникли вне предполагаемого шумеро-урало-алтайского ареала. Хотя сравнение луны с плывущей в небесах лодкой (баркой) встречается во многих мифологиях мира,

более популярен образ солнечной ладьи, притом у индейцев Южной Америки, например, встречается упоминание о лунной лодке [Березкин, Дувакин, 2023].

Луна как пастух и бог дикой природы

Скандинавская богиня Луны Нанна часто ассоциировалась со скотом и молочными продуктами [Peterson, 2011: 281]. Образы астрального божества и божественного пастуха были совместимы, и известны ссылки на звезды как его стадо [Green, 1992: 25]. Шумерского бога Луны часто сравнивали с бычьими рогами [Krebernik, Postgate 1993–1997: 360]. Как уже говорилось выше, шумерский бог луны состоял в сложных родственных связях. Его наиболее значимыми детьми были Инанна/Иштар, олицетворяющая утреннюю звезду, и Уту/Шамаш, олицетворяющий солнце [Krebernik, Postgate 1993–1997: 365]. Также в число потомства Нанны и Нингаль могли входить богини Амарра-узу и Амарра-хеэ, Нингублага (городской бог Киабрига) и Нумушда [Krebernik, Postgate 1993–1997: 365].

Связь шумерского Бога Луны с утренней звездой находит параллели в алтайской мифологии. По мнению Т.В. Муравьевой, возможно, что Айхылу символизировала утреннюю звезду Венеру. Кроме того Айхылу, как и Хумай, выступала владелицей небесных коней Акбузата и Харысая [Муравьева, 2023: 228–229]. Башкирское обозначение Венеры «*Султан йондозо*» четко соответствует тюрко-монгольскому Чулпан/Солбон. В верованиях тюрков и монголов, как и верованиях вавилонян (Иштар присматривала за «небесными овцами»), Венера – это прежде всего пастушеская звезда. Солбон и ее помощнику Токлоку весной жертвовали особую лошадь. Существовал у бурятов и особый посвящаемый Солбон конь, на котором не ездили. У кыргызов Уркер (Плеяды) считались сыном Луны, а зарница – ее дочерью. Летом Уркер не наблюдается. Он пребывает на земле. Если окажется в месте с водой, то зима будет холодной, а если в сухом – теплой [Харва, 2022а; 248–249; Харва, 2022б: 110].

Заключение

Число шумерских параллелей в лунарных мифах тюрков, монгольских народов, восточных финно-угров, на первый взгляд, является не таким уж значительным. Судя по распространенности мотивов, представления о мужском Лунном божестве, его связи с миром мертвых, драконом (чудовищем), различными животными, лодкой (в редких случаях с повозкой) следует признать более или менее универсальными. Также, видимо, является общим местом образ Луны-пастуха. Особого внимания заслуживают отсутствие образа волка в шумерских лунарных мифах и, напротив, его присутствие в лунарных мифах тюрков, восточных финно-угров и некоторых индоевропейских этносов (осетинов, скандинавов). Последнее обстоятельство, по всей видимости, может объясняться тем, что охотничья идеология у шумеров из-за южного дильмунского влияния сохранилась хуже. Это также означает, что протошумеры, действительно, первыми «оторвались» от северо-евразийского мифологического союза, включавшего предков урало-алтайцев, кавказских народов и индоевропейцев. Вместе с тем имеются некоторые немногочисленные, но зато содержательно важные параллели именно в лунарных мифах шумеров и урало-алтайских народов, отсутствующие, например, на Кавказе. Прежде всего это касается мифов о старшинстве Луны (когда она выступает порой даже главным персонажем), ее происхождении из воды, первоначальном пребывании под землей (на земле), особо прочной связи ночного светила не просто с миром мертвых, но с конкретным демоническим божеством смерти, «водными» быками, драконами, хтонической сферой. Имеющиеся отличия (например, для шумеров не была характерна мифологема «холодной луны») объясняются южным океаническим компонентом в составе жителей Месопотамии. Кроме того, шумерские варианты мифов (особенно мифы о животных и людях на луне) ввиду своей скудности и ограниченности демонстрируют, скорее, зависимость от североевразийских вариантов, чем наоборот. В целом, все это придает дополнительные аргументы гипотезе С. Парполы о локализации возможной прародины предков шумеров в Восточной Европе, между Кавказом и Урало-Алтайским регионом.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БНТ – Башкирское народное творчество
ДС – Древнетюркский словарь
МНС – Марийские народные сказки
МЛ – Марийские легенды
МНМ – Мифы народов мира
МП – Мифы Поволжья

МФ – Марийский фольклор
ПЛМ – Песни луговых мари
УАМ – Урало-алтайская мифология
СД – Славянские древности
ШРС – Шумеро-русский словарь
ЭУМ – Энциклопедия уральских мифологий

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Башкирское народное творчество, 1987. Т. 1. Эпос. Уфа: Башкирское книжное издательство, 544 с.

Башкирское народное творчество, 1987. Т. 2. Предания и легенды. Уфа: Башкирское книжное издательство, 576 с.

Березкин Ю.Е., Дувакин Е.Н. *Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог*: сайт. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (дата обращения: 15.04.2025).

Древнетюркский словарь, 1969. Л.: Наука, 676 с.

Марийские народные сказки, 2003. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 352 с.; ил.

Марийские народные сказки, 2021. Сост. Архипова С.Д. Йошкар-Ола: РС «Союз писателей России» РМЭ, 96 с.

Марий' калык ойпого (Марийский фольклор: Мифы, легенды, предания), 1991. Сост. Акцорин В.А. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 288 с.

Мелетинский Е.М. Мифы древнего мира в сравнительном освещении, *Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика*: сайт. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/meletinsky9.htm> (дата обращения: 15.05.25).

Мифы народов мира. Энциклопедия, 2003. В 2-х т. Т. 1. А–К. Под ред. С.А. Токарева. М.: Большая Росс. энцикл., 671 с.

Мифы народов мира. Энциклопедия, 2003. В 2-х т. Т. 2. К–Я. Под ред. С.А. Токарева. М.: Большая Росс. энцикл., 719 с.

Песни луговых мари, 2011. Сост. Н.В. Мушкина. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 592 с. (Ч. I. Обрядовые песни /Свод марийского фольклора).

Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5-ти т. 2004. Под общ. ред. Н.И. Толстого. Москва: Междунар. отношения, 1995–2014. Т. 3: К (Круг)–П (Перепелка). 697 с.

Славянские древности: этнолингвистический словарь: В 5-ти т. Том I: А–Г. 1995. Под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 578 с.

Чалбанова К.В., 2022. Луна и Солнце в калмыцкой мифологии, *Litera*, № 11, с. 52–60. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39267 (дата обращения 12.06.2023).

Шумеро-русский словарь. Часть первая: А–L, *Гудава Тенгиз. До и после Библии*. URL: <https://www.netslova.ru/gudava/sumer/dictionary.html> (дата обращения: 17.06.2023).

Шумеро-русский словарь. Часть вторая: М–Z, *Гудава Тенгиз. До и после Библии*. URL: <https://www.netslova.ru/gudava/sumer/dictionary2.html> (дата обращения: 17.06.2023).

Эхмәтъянов Р.Г., 2015. *Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда. I том (А–Л)*. Казан: Мәгариф–Вақыт, 543 б.

Parpola S., 2007. Sumerian: A *Uralic Language*: сайт. URL: http://s155239215.onlinehome.us/turkic/42TurkicAndSumer/SimoParpola_Altaic-UralicAndSumerEn.htm (дата обращения: 01.05.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аманжолов А.С., 2003. *История и теория древнетюркского письма*. Алматы: ЗАО Издательство «Мектеп», 368 с.

Анисимов А.Ф., 1959. *Космологические представления народов Севера*. Москва; Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 106 с.

Анохин А.В., 1924. *Материалы по шаманству у алтайцев (Собранные во время путешествий по Алтаю в 1910–1912 гг. по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии)*. Ленинград: Издательство Российской академии наук, 152 с.

Вершинин В.И., 2017. *Марий мут-влакын кушеч лиймышт (этимологий мутер). Происхождение слов марийского языка (этимологический словарь): в 2 т. Т. I. А–М*. Йошкар-Ола: ООО ИПФ «Стиринг», 346 с.

Вершинин В.И., 2018. *Марий мут-влакын кушеч лиймышт (этимологий мутер). Происхождение слов марийского языка (этимологический словарь): в 2 т. Т. II. Н–Я*. Йошкар-Ола: ООО ИПФ «Стиринг», 741 с.

Владыкин В.Е., 2018. *Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов*. Ижевск: Удмуртия, 400 с.

Иликаев А.С., Шарипов Р.Г., 2022. *Большая книга скандинавских мифов: более 150 преданий и легенд*. М.: Эксмо, 848 с.

Котов В.Г., 2012. Фольклор и археология: источники по древней истории башкир, *Документы и материалы по истории башкирского народа (с древнейших времен до середины XVI в.)*. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 340 с.

Левкиевская Е.Е., 2000. *Мифы русского народа*. М.: Астрель АСТ, 528 с.

Ллойд С., 1972. *Реки-близнецы / Пер. с англ.*, М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 239 с.

- Муравьева Т.В., 2023. *Мифы Поволжья. От Волчьего владыки и Мирового древа до культа змей и птицы счастья*. М.: Манн, Иванов и Фербер, 328 с.
- Петрухин В.Я., 2005. *Мифы финно-угров*. М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 463 с.
- Сагалаев А.М., 1991. *Урало-алтайская мифология: Символ и архетип*. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 155 с.
- Самар А.П., 2020. Традиционные волокуши нанайцев, *Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН*, № 3, т. 28., с. 29–44.
- Сепеев Г.А., 1975. *Восточные марийцы: Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX–начало XX вв.)*. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 247 с.
- Сефербеков Р.И., 2007. Мифологические образы солнца и луны в верованиях народов Дагестана, *Вестник института ИАЭ*, № 4, с. 64–103.
- Харва (Хольмберг) У., 2022а. *Верования алтайских народов*. Пер. с англ., отв. ред. А.В. Головнев. М.: Castalia, 314 с.
- Харва (Хольмберг) У., 2022б. *Верования и мифология народов Северной Евразии*. / Пер. с англ., отв. ред. А.В. Головнев. М.: Castalia, 354 с.
- Шарипов Р.Г., 2015. *Духовная культура древнетюркской цивилизации: Менталитет. Религия. Искусство. Эпос*. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 154 с.
- Щербак А.М., 1966. О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, *Вопросы языкознания*, № 3, с. 21–35.
- Энциклопедия уральских мифологий*, 1999. Науч. ред. В.В. Напольских. М.: ДИК; Сыктывкар: Ин-т яз., лит. и истории, 479 с. (Т. 1: Мифология Коми)
- Эрвел Семен (Новиков С.С.), 2012. *Восточные марийцы. Философия, история, люди: В 5-ти т. Т. V*. Йошкар-Ола: ГУП «Газета «Марий Эл», 321 с.
- Юксерн В., 1974. *Чоткар. Марийские легенды*. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 28 с.
- Anthony D.W., 2007. *The Horse, The Wheel and Language: How Bronze-Age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World*. Princeton (= Лошадь, колесо и язык: Как всадники бронзового века из евразийских степей сформировали современный мир. Принстон), London: Princeton University Press, XII, 553 p. (на англ. яз.)
- Asher-Greve J.M., Westenholz, J. G., 2013. *Goddesses in Context: On Divine Powers, Roles, Relationships and Gender in Mesopotamian Textual and Visual Sources*. Zurich (= Богини в контексте: О божественных силах, ролях, взаимоотношениях и гендере в месопотамских текстовых и визуальных источниках. Цюрих). Academic Press Fribourg Vandenhoeck & Ruprecht Göttingen, 460 p. (на англ. яз.)
- Green T.M., 1992. *The city of the moon god: religious traditions of Harran* (= Город бога Луны: религиозные традиции Харрана). Leiden, New York: E.J. Brill, 232 p. (на англ. яз.)
- Krebernik M., Postgate J.N. *Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie* (= Настоящий энциклопедический справочник по ассириологии и археологии Передней Азии). Red. Gabriella Frantz-Szabo. Berlin. New York: Walter de Greuter, 1993–1997, 589 p. (на нем. яз.)
- Krebernik M., Postgate, J.N. *Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie* (= Настоящий энциклопедический справочник по ассириологии и археологии Передней Азии). Red. Gabriella Frantz-Szabo. Berlin. New York: Walter de Greuter, 1998–2001, 647 p. (на нем. яз.)
- Lambert W.G., 2013. *Babylonian creation myths* (= Вавилонские мифы о сотворении мира). Winona Lake, Eisenbrauns, Indiana, 640 p. (на англ. яз.)
- Peterson J., 2011. Nanna/Suen Convenes in the Divine Assembly as King (= Нанна/Суен собирается на Божественное собрание в качестве короля), *Aula Orientalis*, vol. 29, pp. 279–288. (на англ. яз.)
- Peterson J., 2021. Christopher Metcalf: Sumerian Literary Texts in the Schøyen Collection, Volume 1: Literary Sources on Old Babylonian Religion. (Cornell University Studies in Assyriology and Sumerology 38). Review (= Кристофер Меткалф: Шумерские литературные тексты в коллекции Шайена, том 1: Литературные источники по древнеавилонской религии. (Исследования Корнеллского университета по ассириологии и шумерологии, 38). Обзор). *Zeitschrift für Assyriologie und vorderasiatische Archäologie*, vol. 111, no. 1, pp. 123–150. (на англ. яз.)
- Stachowski M., 2015. Turkic Pronouns against a Uralic Background (= Тюркские местоимения на уральском фоне). *Iran and the Caucasus*, vol. 19, no. 1, pp. 79–86. (на англ. яз.)
- Wasserman N., 2008. On Leeches, Dogs, and Gods in Old Babylonian Medical Incantations (= О пиявках, собаках и богах в древнеавилонских медицинских заклинаниях), *Revue d'Assyriologie et d'archéologie orientale*, vol. 102, pp. 71–88. (на англ. яз.)

REFERENCES

- Amanzholov, A.S., 2003, *History and theory of Ancient Turkic writing*. ZAO Izdatelstvo «Mektep», Almaty, 368 p. (In Russ.)
- Anisimov, A.F., 1959, *Cosmological representations of the peoples of the North*. Izdatelstvo Akademii nauk SSSR, Moscow; Leningrad, 106 p. (In Russ.)
- Anokhin, A.V., 1924, *Materials on shamanism among the Altaians collected during travels in Altai in 1910–1912 on behalf of the Russian Committee for the Study of Central and East Asia*. Izdatelstvo Rossiiskoi akademii nauk, Leningrad, 150 p. (In Russ.)
- Vershinin, V.I., 2017, “The origin of the Mari words (etymological dictionary)”. In 2 vols. Vol. 1. OOO IPF «Stiring», Yoshkar-Ola, 346 p. (In Russ.)
- Vershinin, V.I., 2018, “The origin of the Mari words (etymological dictionary)”. In 2 vols. Vol. 2. OOO IPF «Stiring», Yoshkar-Ola, 741 p. (In Russ.)
- Vladykin, V.E., 2018, *Religious and mythological picture of the world of the Udmurts*. Udmurtia, Izhevsk, 400 p. (In Russ.)
- Ilikaev, A.S., Sharipov, R.G., 2022, *Big Book of Scandinavian Myths: more than 150 tales and legends*. Eksmo, Moscow, 848 p. (In Russ.)
- Kotov, V.G., 2012, “Folklore and archeology: sources on Ancient history of the Bashkirs”, *Documents and materials on History of the Bashkir people (from ancient times till the middle of the XVI century)*, ИЯЛ UNTs RAN, Ufa, 340 p. (In Russ.)
- Levkievskaya, E.E., 2003, *Myths of the Russian people*. Astrel AST, Moscow, 258 p. (In Russ.)
- Lloyd, S., 1972, *Twin rivers*. Translated from English., Glavnaya redaktsiya vostochnoi literaturi izdatelstva «Nauka», Moscow, 239 p. (In Russ.)
- Muravyeva, T.V., 2023, *Myths of the Volga region. From the Wolf Lord and the World Tree till the cult of snakes and the bird of happiness*. Mann, Ivanov i Ferber, Moscow, 328 p. (In Russ.)
- Petrukhin, V.Ya., 2003, *Myths of the Finno-Ugric peoples*. Astrel: AST: Tranzitkniga, Moscow, 463 p. (In Russ.)
- Sagalaev, A.M., 1991, *Ural-Altai mythology: Symbol and archetype*. Nauka: Sib. otd-nie, Novosibirsk, 152 p. (In Russ.)
- Samar, A. P., 2020, “Traditional Nanai travois”, *Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FED RAS*, vol. 28, no. 3, pp. 29–44. (In Russ.)
- Sepeev, G.A., 1975, *Eastern Mari: Historical and ethnographic research of material culture (mid-XIX—early XX centuries)* Mari Scientific Research Institute under the Council of Ministers of the Mari Autonomous Soviet Socialist Republic. Mariiskoe knizhnoe izdatelstvo, Yoshkar-Ola, 247 p. (In Russ.)
- Seferbekov, R.I., 2007, Mythological images of the sun and moon in beliefs of the peoples of Dagestan, *Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography*, no. 4, pp. 64–103. (In Russ.)
- Kharva (Holmberg), U., 2022a, Beliefs and mythology of the peoples of Altai peoples. Moscow: Castalia, 314 p. (In Russ.)
- Kharva (Holmberg), U., 2022b, *Beliefs and mythology of the peoples of Northern Eurasia*. Moscow: Castalia, 354 p. (In Russ.)
- Sharipov, R. G., 2015, *Spiritual culture of the ancient Turkic civilization: Mentality. Religion. Art. Epic*. ИЯЛ UNTs RAN, Ufa, 154 p. (In Russ.)
- Shcherbak, A.M., 1966, On the nature of lexical interrelations of the Turkic, Mongolian and Tungus-Manchu languages, *Questions of Linguistics*, no. 3, pp. 21–35. (In Russ.)
- Encyclopedia of Ural Mythologies*, 1999, ed. V.V. Napol'skikh. DIK; Siktivkar: In-t yaz., lit. i istorii, Moscow, 479 p. (Mythology of Komi. Vol. 1) (In Russ.)
- ErVel Semyon (Novikov S.S.), 2012, “Eastern Mari”, *Philosophy, history, people. In 5 volumes*. Vol. V. GUP «Gazeta «Marii El», Yoshkar-Ola, 321 p. (In Russ., Mari)
- Yuksern, V., 1974, *Chotkar. Mari legends*. Mariiskoe knizhnoe izdatelstvo, Yoshkar-Ola, 28 p. (In Russ.)
- Anthony, D.W., 2007, *The Horse, The Wheel and Language: How Bronze-Age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World*. Princeton, London: Princeton University Press, XII. 553 p. (In Eng.)
- Asher-Greve, J.M., Westenholz, J. G., 2013, *Goddesses in Context: On Divine Powers, Roles, Relationships and Gender in Mesopotamian Textual and Visual Sources*. Zurich. Academic Press Fribourg Vandenhoeck & Ruprecht Göttingen. 460 p. (In Eng.)
- Green, T.M., 1992, *The city of the moon god: religious traditions of Harran*. Leiden, New York: E.J. Brill, 232 p. (In Eng.)
- Krebernik, M., Postgate, J.N., 1993–1997, *Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie*. Red. Gabriella Frantz-Szabo. Berlin. New York: Walter de Greuter, 589 p. (In Germ.)
- Krebernik, M., Postgate, J.N., 1998–2001, *Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie*. Red. Gabriella Frantz-Szabo. Berlin. New York: Walter de Greuter, 647 p. (In Germ.)

Lambert, W.G., 2013, *Babylonian creation myths*. Winona Lake, Eisenbrauns, Indiana, 640 p. (In Eng.)
Peterson, J., 2011, Nanna/Suen Convenes in the Divine Assembly as King, *Aula Orientalis*, vol. 29, pp. 279–288. (In Eng.)

Peterson, J., 2021, Christopher Metcalf: Sumerian Literary Texts in the Schøyen Collection, Volume 1: Literary Sources on Old Babylonian Religion. (Cornell University Studies in Assyriology and Sumerology 38). Review. *Zeitschrift für Assyriologie und vorderasiatische Archäologie*, vol. 111, no. 1, pp. 123–150. (In Eng.)

Stachowski, M., 2015, Turkic Pronouns against a Uralic Background. *Iran and the Caucasus*, vol. 19, no. 1, pp. 79-86. (In Eng.)

Wasserman, N., 2008, On Leeches, Dogs, and Gods in Old Babylonian Medical Incantations, *Revue d'Assyriologie et d'archéologie orientale*, vol. 102, pp. 71–88. (In Eng.)

Сведения об авторах

Александр Сергеевич Иликаев, кандидат политических наук, доцент, Уфимский университет науки и технологий, Россия, г. Уфа. E-mail: jumo@bk.ru, ORCID: 0009-0003-6773-9053

Ренарт Глюсович Шарипов, кандидат философских наук, Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Россия, г. Уфа. E-mail: externet@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-9597-5617.

Information About the Authors

Alexander S. Ilikaev, Cand. of Political Sciences, Associate Professor, Ufa University of Science and Technology, Russia, Ufa. E-mail: jumo@bk.ru, ORCID: 0009-0003-6773-9053

Renart G. Sharipov, Cand. Sc. (Philosophy), Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature UFRC RAS, Russia, Ufa. E-mail: externet@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-9597-5617.

Подписано в печать 15.09.2025

Вышел в свет 01.10.2025

Бумага офисная. Формат 60×84/8

Гарнитура Times New Roman

Усл. печ. л. 12.03. Уч.-изд. л. 10.93

Тираж 500 экз. Распространяется бесплатно. Заказ № 110
Адрес типографии Ордена Знак Почета ИИЯЛ УФИЦ РАН
450054, Республика Башкортостан, г. Уфа, пр. Октября, д. 71.
Тел.: +7 (347) 235-50-60, E-mail: izv-i-f-c@mail.ru